

От епископа Новгород весь отщетился;
Волхованием дьявольским весь соблазнился
И засел, словно маковник, окрест волхва;
Да в то время левша не бывала права...

Ко епископу князь подошел со дружиной,
И крестом оградился все как единый;
Приложились дружинники князя; потом
Оградился и князь всепобедным крестом
И встряхнул, молодечества буйного ради,
Он кудрей темно-русых шелковые пряди
Под собольею шапкой и молвил волхву
Очи в очи:

«Так ты не во сне — наяву
Бредишь?.. Ну! А скажи мне — о чем говорила
Нонче зорька с тобою и что посулила?»

«Знаю всё и всегда, повседневно, точь-в-точь,
Что сулят мне и зорька и темная ночь».

«Право? — молвил князь Глеб. — А скажи мне: сегодня
Знаешь — как тебе вызовет воля господня?»

«Знаю: я сотворю чудеса!..»

Но в упор
Перешиб все мозги зарукавный топор
И хвастливый язык и гортань всю по груди...

И бежали со страхом все вечники-люди!

15 февраля 1861

101. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ¹

Сгинь ты, туча-невзгодье ненастное!..
Выглянь, божие солнышко красное!..

Вот сквозь тучу-то солнце и глянуло,
Красным золотом в озеро кануло,

¹ См. «Полное собрание летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею», том 5.

Что до самого дна недостанного,
 Бел-горючими камнями стланного...
 Только ведают волны-разбойнички
 Да тонулые в вёсну покойнички,
 Каково его сердце сердитое,
 10 О пороги и берег разбитое!
 Вихрем Ладога-озеро, бурей обвеяно,
 И волнами, что хмелем бродливым, засеяно.
 Колыхается Ладога, всё колыхается,
 Верст на двести — на триста оно разливается,
 Со своею со зимнею шубой прощается:
 Волхов с правого сняло оно рукава,
 А налево сама укатилась Нева,
 Укатилась с Ижорой она на просторе
 Погулять на Варяжском, родимом им море
 20 И с Ижорой в обгонку несется Нева,
 И глядят на побегжку сестер острова,
 И кудрями своими зелеными
 Наклоняются по ветру вслед им с поклонами. .
 И бегут они вместе побегжкою скорою,
 И бегут вперегонку — Нева со Ижорой.

Али нет в Новегороде парней таких удалых,
 Кто б до синего моря не выследил их,
 Не стоял бы всю ночь до зари на озерной
 на страже?
 Как не быть!.. Простоял не одну, а три ноченьки
 даже
 30 Ижорянин крещеный Пелгусий: его от купели
 Принял князь Александр Ярославич, на светлой
 неделе,
 А владыка Филиппом нарек...

Вот стоит он, стоит,
 И на устье Ижоры он зорко глядит,
 Ну и слышит он: раннею алой зарею
 Зашумела Ижора под дивной ладьею;
 Под ладью опрокинулись все небеса;
 Над ладьею, что крылья, взвились паруса,
 И стояли в ладье двое юношей в ризах червлёных,
 Преподобные руки скрестив на могучих раменах;
 40 На челе их, что солнце, сияли венцы;

И, окутаны мглою, сидели гребцы...
Словно два серафима спустились с ясного
неба...

И признал в них Пелгусий святого Бориса
и Глеба.

Говорят меж собою:

«На эту на ночь
Александру, любезному брату, нам надо помочь!
Похваляются все кичливые шведы,
Что возьмут Новгород. Да не ведать неверным
победы:

Их ладьи и их щеки разметет Нева...»

И запомнил Пелгусий святые слова.
И пришел с побледнелым от ужаса ликом
К Александру он князю, в смущеньи
великом,

И поведал виденье свое он в ночи.

И сказал ему князь Александр:

«Помолчи!»

А была накануне за полночь у князь Александра
беседа,
Потому бы, что в Новгород прибыли три сановитые
шведа,

Три посланника, — прямо от Магнуса, их короля,
И такой их извет:

«Весь ваш Новгород — отчая наша
земля!...

И теперь ополчаемся мы королевскою силою:

Али дайте нам дань, али будет ваш город —
могилою...

А для стольного вашего князя с дружиною
мы припасли
То цепей и веревок, что вот только б щеки
снесли...»

«Ну!... — Ратмир говорит. —

Честь и слава заморской
их мочи,

Только мы до цепей и веревок не больно охочи!...

Не слышать, чтобы Новгород цепь
перенес!...»

— «На цепи в Новгороде — разве что пес,
Да и то, коли лют», — подсказал ему *Миша*.

«Три корабля трупem своим навалиша», —
Яков Ловчий промолвил.

«И господу сил
Слава в вышних!» — от юных по имени *Савва*
твердил.

70 А *Сбыслав Якунович*:

«Забыли, что жизнь не купить,
не сторгуя».

А *Гаврило Олексич*:

«Да что тут! Не хочет ли
Магнус их...

Ты прости, осударь Александр Ярославич!
А спросту
Я по озеру к ним доберуся без мосту!..»

Встал князь с лавки — и все позабыли
Олексичий мост:

Что за стан, и осанка, и плечи, и рост!..
Знать, недаром в Орду его ханы к себе

зывали,
Знать, недаром же кесарь и шведский король его
братом назвали;
Был у них — и с тех пор королю охладело супружное
ложе,

80 Да и с кесарем римским случилось то же...
А ордынки — у них весь улус ошалел...

Только князь Александр Благоверный на них
и глядеть не хотел.

Да и вправду сказать: благолепнее не было в мире
лица,

Да и не было также нигде удальца
Супротив Александра... Родился он — сам с себя
скинул сорочку,

А подрос, так с медведем боролся потом
в одиночку,

И коня не седлал: без седла и узды
Мчался вихрем он с ним от звезды до звезды.

Да и вышел же конь: сквозь огонь, через
воду
90 Князя вынесет он, не спросившись броду.
А на вече-то княжеский голос — то сила, то страсть,
то мольба,
То архангела страшного смерти труба...

«Собирайтесь, — молвил дружинникам князь, —
со святой благодатью»,
И пошел попроститься с своей благоверной
княгинею,
И в Софийский собор поклониться пошел он
потом,
Воздыхая и плача пред ликом пресветлым Софии,
а тоже
Возглашая псалом песнопевца:
«О господи боже,
О великий, и крепкий, и праведный, нас со врагом
рассуди:
И да будет твой суд правоверный щитом
впереди!»

100 Собрались дружинники князя — кто пеше, кто
конно...
Александр Ярославич повел с ними речь
неуклонно:
«Други-братья, помянем не кровь и
не плоть,
А слова, что „не в силе, а в правде
господь!“»
И дружинники все оградилась крестом перед
битвою,
И за князь Александр Ярославичем двинулись
в поле с молитвою.
Воевода-то шведский их, Бюргер, куда был
хитер:
На сто сажень кругом он раскинул шатер
И подпер его столпняком, глаженным,
струженным, точенным,
Сквозь огонь главным рózмыслом шведским
золоченным.

110 И пируют в шатре горделиво и весело шведы,
Новгородские деньги и гривны считая...

И было беседы
За полночь у них... И решили они меж
собою:

Доски бросить на берег со шнек, потому что весь
берег крутой,

И пристать неудобно, и весь он обселся глухими
кустами...

Порешили — и доски со шнек протянули на берег
мостами...

Кончен пир: провели Спиридона, епископа их,
по мосткам,

Только Бюргер на шнеку без помочи выбрался
сам...

И пора бы: не было бы русской тяжелой погони,
Да и князь Александра...

Заржали ретивые кони —

120 И Гаврило Олексич, сквозь темных кустов,
Серой *рысью* прыгнул на шалелых врагов,
И сдержал свое слово: добрался он спросту
По доскам до епископской шнеки без мосту.

И учал он направо и лево рубить всё и сечь,
Словно в жгучие искры о вражьи шеломы
рассыпался меч.

Образумились шведы в ту пору, и вскоре
Сотней рук они витязя вместе с конем

опрокинули в море.

Да Гаврило Олексич куда был силен и строптив,

Да и конь его *Ворон* куда был сердит и ретив...

150 Окунулись в море, да мигом на шнеке опять они
оба,

И в обоих ключом закипела нещадная злоба:
И железной подковой и тяжким каленым мечом
сокрушен,

Утонул воевода-епископ и рыцарь их, сам Спиридон.

А Сбыслав Якунович, тот сек эту чудь с позевком
и сплеча,

И проехал сквозь полк их, и даже подкладом
не вытер меча...

Хоть вернулся к дружине весь красный и спереди
он да и сзади,

И его Александр похвалил молодечества буйного
ради...

А Ратмир не вернулся, и только уж други
смогли

Вывать труп для схорона на лоне родимой
земли.

140

«Три корабля трупьем своим навалиша!» —
Крикнул ловчий у князь Александра,
а Миша,

Стремянной, говорит: «Хоть пасли мы
заморских гусей их, пасли,

Да гусынь их, любезных трех шнек, почитай,
не спасли».

Балагур был. А Савва-то отрок досмысленный
был,

И у Бюргера в ставке он столп золотой
подрубил,

Да и ворогов всех, что попалися под руку,
тоже

Топором изрубил он в капусту...

А князь-то... О господи-боже!

Как наехал на Бюргера, их воеводу, любимым
конем,

Размахнулся сплеча и печать кровяную булатным
копьем

150

Положил меж бровей хвостуну окаянному —
шведу...

Затрубили рога благоверному князь Александру
победу,

И со страхом бежали все шведы, где сушью, а где
по воде;

Но настигла их быстро господняя кара везде:

Уж не князь Александр их настиг со своей удалой
дружиной,

А другой судия на крамольников, вечно
единый...

И валилися шведы валежником хрупким, со
смертной тревогой,

Убегая от божией страшной грозы ни путем,
ни дорогой:

По лесам и оврагам костями они полегли,
Там, где даже дружинники князя за ними погоней
не шли...

160 На заре, крепкой тайной, с дружиною
близился князь
К Новугороду; только была им неожиданная
встреча:
Застонал благовестник, и громкие крики раздались
с веча,
И по Волхову к князю молебная песнь
донеслась,
И в посаде встречали с цветами его
новгородки —
И княгини, и красные девки, и все молодые
молодки,
В сарафанах цветных, и в жемчужных повязках,
и с лентой в косе.
И бросались они на колени пред князем
возлюбленным все,
А епископ и клир уж стояли давно пред Софийским
собором
И уж пели молебен напутственный князю
с дружиною хором,
И успел по поднёбесью ветер развеять победную
весть:
«Князю Невскому слава с дружиной, и многие лета,
и честь!»

Много лет прожил князь Александр. . .
Не бывало на свете
Преподобного князя мудрее — в миру, и в войне,
и в совете,
И хоругвью божьею он осенял княженецкий свой
сан;
А затем и послов ему слали и кесарь, и папа,
и хан,
И на письмах с ним крепко любовь и согласие они
заручили,
А король шведский Магнус потомкам своим
завещал,

Чтоб никто ополчаться на Русь на святую из них
не дерзал...
Да и князь был от миру со шведом не прочь...
Только годы уплыли, —
180 И преставился князь...
И рыдали, рыдали, рыдали
Над усопшим и старцы, и малые дети с великой
печали
В Новгороде... Господи! Кто же тогда бы
зениц
В княжий гроб не сронил из-под слёзных
ресниц?

Князь преставился...
Летопись молвит: «Почил без
страданья и муки,
И безгрешную душу он ангелам передал в светлые
руки.
А когда отпевали его в несказанной печали-тоске,
Вся святая жизнь князя в-очью пред людьми
объявилась,
Потому что для грамоты смертной у князя десница
раскрылась,
И поныне душевную грамоту крепко он держит
в руке!»

190 И почиет наш князь Александр Благоверный над
синей Невою,
И поют ему вечную память волна за волною,
И поют память вечную все побережья ему...
Да душевную грамоту он передаст ли кому?
Передаст! И крестом осенит чьи-то мощные
плечи,
И придется кому-то услышать святые загробные
речи!..

Сгинь ты, туча-невзгоде ненастное!
Выглянь, божие солнышко красное!..

31 марта 1861